

**В СЕРИИ
ВЫШЛИ КНИГИ:**

ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО – ЛЮБОВЬ ЛАСТОЧКИ
ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО – ДОРОГА В ВЕЧНОСТЬ

Екатерина Митрофанова

*ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО—
ДОРОГА В
ВЕЧНОСТЬ*

T8 RUGRAM

ГЛАВА 1

*«Жизнь коротка. Важно успеть озарить её светом»*¹. Влад помнил об этом. Всегда помнил. Эти бесхитростные, простые слова словно были выгравированы прямо в его сердце невидимой родной рукой. Рукой погибшего брата.

Влад сидел в обставленной с безупречным вкусом комнате просторного двухкомнатного номера пансионата и уже в который раз прокручивал в голове прощальное братское наизидание, стараясь вдуматься в его смысл.

На Владе был строгий тренировочный костюм с водолазкой на молнии, надетой поверх чистой бамбуковой футболки яркого рыжего оттенка, отменно сочетавшегося с коротко стриженными каштановыми волосами. В руке он держал тщательно отточенный кохинуровский графитный карандаш, вычерчивая по рейшине чертёжной доски ровные линии, которые постепенно наполняли жизнью пугающий своей непостижимой пустотой лист ватмана, покрытый сверху голубоватой калькой.

Впрочем, «наполняли жизнью» — было не вполне верным определением. Точнее было бы сказать — «пытались наполнить». Влад прикладывал для этого все усилия, но всякий раз, как он садился за чертёж, оставался недоволен результатом. Иногда Владу начинало казаться, что он нащупал верный путь, что его рука становится более уверенной, а начерченные на листе ватмана строгие однообразные ли-

¹ Цитата авторства Екатерины Борисовны Митрофановой.

нии обретают жизнь. Но позже, осмотрев эскиз свежим взглядом, он понимал, что это далеко не так и все его труды, призванные одухотворить безжизненный плотный лист, оказывались напрасными. И всё же Влад снова и снова упорно брался за графитный карандаш и почти вплотную склонялся над чертежом, выводя упрямые линии. Владу казалось, что стоит ему отвлечься и хотя бы на время оставить своё неблагодарное занятие, как он потеряет нечто такое, что имело для него особое значение, — ту невидимую ниточку, что накрепко связывала его с погибшим братом.

Несмотря на то что с момента злополучной трагедии прошло уже более полугода, боль потери не притуплялась. Напротив, Влад теперь чувствовал её остро, как никогда — словно тонкое лезвие бритвы, методично проходящее по оголённому нерву.

Лекарство от этой устрашающей беспросветности было только одно. Не лекарство даже, а просто средство отвлечься — та единственная соломинка, за которую Влад отчаянно цеплялся. Работа, работа и ещё раз работа. Под упрямым карандашом Влада пустые контуры листа ватмана обретали жизнь. Если бы только можно было так же наполнить, оживить и раскрасить ту щемящую монотонную пустоту, что с некоторых пор поселилась и прочно обосновалась в сознании Влада!

Внешне создавалась видимость, что Влад живёт, и живёт хорошо. Милая добрая Ладушка! Благословенная всеми святыми «небесная Ласточка»! Она выбрала просто идеальное место, где Влад действительно мог поправить здоровье, привести в порядок нервную систему и наладить появившиеся после злополучной аварии нарушения сна.

Пансионат, где Влад теперь проживал вместе со своей матерью, располагался в центре города Пицунда на самом берегу Чёрного моря в окружении сосновой рощи с тенистыми кипарисовыми и сосновыми аллеями и самой прозрачной, чистой морской водой, обыкновенно тронутой лёгким бризом.

И в отношении погоды Ладушка не прогадала. Она сделала Владу прекрасный подарок ко дню рождения и к Новому году. Вернула ему посреди зимы безжалостно вычеркнутое из жизни лето, подарив совершенно необходимую теперь возможность уединения и позволив убежать от морозов в субтропический рай.

Теперь Влад мог совершать незабываемые прогулки по побережью, относящемуся к территории пансионата и расположенному в парковой зоне вдоль тихой живописной бухты. Здесь даже в самые холодные периоды зимы столбик термометра не опускается ниже пяти градусов тепла, а снег можно увидеть крайне редко. Даже если он выпадает, то быстро тает.

Влад и его мать оказались теперь в самом сердце ласковой солнечной Абхазии с её уникальной природой. Влад словно бы перекочевал из опустылевшей, пустой и страшной реальности в чудесную сказку, где, казалось, было место всему: и необыкновенно выглядевшим январским мандаринам, и раскидистым пальмам, и цветущей зимой мушмеле, и розам, укрытым снегом.

Это действительно был другой мир — мир какого-то непостижимого тепла и комфорта, с немногочисленным побережьем, тихой живописной бухтой, мимозами, эвкалиптами, кипарисами, магнолиями, самшитами, лавровишнями, пицундскими соснами, олеандрами и многими другими вечнозелёными растениями.

Как отчаянно Владу хотелось поделиться всем этим новым, неизведанным и по-своему сокровенным со Стасом! Он готов был отдать всё на свете, чтобы они вместе с братом бродили по безлюдному морскому побережью, гоняли ногами прибрежные камушки, собирали ракушки, ловили рыбу и мечтали построить шикарный, добротно отделанный дом для родителей на берегу моря. Как и хотел Стас.

Вместо этого Владу предстояло проводить большую часть дня в санаторном корпусе пансионата, где им занимались вплотную. Его ждали процедуры физиотерапии, сеан-

сы индивидуальной и групповой психологии, массаж, обёртывания, спа, бассейн и прочие отдельно оплаченные прелести санаторно-курортного лечения. На этом настояла Лада, и Влад не смел ей перечить, хотя и предпочёл бы обходиться без лишнего внимания посторонних людей и ничёмной суеты вокруг своей персоны. Он с радостью провёл бы лишние минуты на улице, вбирая в свои лёгкие чистейший хвойно-цитрусовый воздух живописной бухты и ощущая на лице ласковое, едва уловимое прикосновение йодисто-солоноватого бриза морского побережья.

А вечером Влад запирался в просторном номере и втайне от матери и всего окружающего мира продолжал намазывать сопли на кулак. Как остро недоставало Владу в эти минуты простой человеческой поддержки старшего брата, крепких объятий его сильных, слегка обветренных загорелых рук, его надёжного плеча, на которое можно было вот как-то запросто, не задумываясь, опереться и проплакаться всласть!

Всё это подчёркнуто усиленное санаторно-курортное лечение, направленное на укрепление нервной системы, с воздушными ваннами на берегу моря, с использованием горячих сероводородных источников было для Влада всего лишь досадной суетой, своего рода бутафорией. Влад буквально задыхался от недостатка чего-то настоящего, что могло бы наполнить его обездоленные лёгкие живительным кислородом. Таким живым и неподдельным могло бы стать общение со Стасом. Но теперь об этом можно лишь тайно мечтать.

Теперь оставалась лишь Лада. Сладкая боль Влада, его наваждение. Ладушка никогда не узнает о том, что она для него значит. Потому что Владу с его проблемами непозволительно даже думать об этом. Он же медленно, но верно слепнет. Один глаз уже перестал различать свет и темноту. На другом прогрессирует близорукость, а специфическое заболевание роговицы — кератоконус — не позволяет скор-

ректировать зрение ни очками, ни контактными линзами, ни лазерной операцией.

Влад так никому и не сказал, что фактически он уже ослеп на один глаз. Ни его родители, ни Лада не знают об этом и не будут знать до последнего. Так решил Влад. После возвращения из пансионата назначен контрольный осмотр у врача-офтальмолога, который, конечно, откроет для всех эту печальную правду. Но сам Влад лично и пальцем не пошевелит для того, чтобы этому поспособствовать. Родители и Лада узнают эту убийственную новость лишь от врача. Губы Влада будут упрямо сомкнуты — до последнего. Он не признается в своей позорной немощи. Ни за какие коврижки!

И всё же воспоминания о Ладе непостижимым образом волновали Влада, отогревая его сердце. Он набрал для неё целую коллекцию разнообразнейших морских ракушек, и каждая из них была совершенно уникальным экземпляром, не похожим на своих подружек по несчастью ни цветом, ни формой. Они, скорее, походили на разноцветные брикетки полимерной глины с богатейшим разнообразием цветовых оттенков — от нежных пастельных до ярких флуоресцентных.

Не раз Влад замечал на рынках, располагавшихся неподалёку от главного отеля Абхазии, очень милые сувениры, которые он втайне мечтал когда-нибудь преподнести Ладе. В основном это были изделия из керамики: тарелки, чашки, чайнички либо украшения из ракушек — браслеты, бусы. Влад довольно долго задерживался у рыночных прилавков, где продавалась вся эта красота, и внимательнейшим образом присматривался к изделиям, чтобы, придя в номер пансионата, попробовать вылепить их миниатюры из полимерной глины.

Лепку Влад не оставлял ни на день, о чём красноречиво свидетельствовал царивший на столе номера пансионата творческий беспорядок. На одной половине стола валялись разноцветные глиняные брикетки, мирно соседствующие

с разбросанными как попало стеками, каттерами различных форм, силиконовыми молдами и вайнерами. На другой стояла чертёжная доска Влада — такая ностальгически родная — с рейсшиной, латунными роликами, тонкими нейлоновыми верёвочками и с зафиксированным двойным зажимом листом ватмана, по которому шли безупречно ровные карандашные линии.

Зрение Влада становилось всё хуже и хуже, что, безусловно, сказывалось на его чертёжном эскизе проекта дома на берегу озера, о котором мечтал его погибший брат, но почти не мешало ему лепить. Даже напротив — чем сильнее прогрессировала близорукость Влада, тем более чуткими становились его пальцы, проникавшие, казалось бы, в самую сущность глины, волшебным образом постигая и разглаживая каждый её бугорок, убирая каждую шероховатость и оттачивая безупречную технику.

Он должен продолжать лепить во что бы то ни стало! Так было нужно — для Ладушки. Влад просто обязан помочь ей, спасти её интернет-магазин от грозящего ему разорения. Так было нужно — для самого Влада. Лепка волшебнейшим образом успокаивала его, даря вожделенное отдохновение и подлинную, ни с чем не сравнимую радость от творческого процесса. Кроме того, лепка помогала Владу сохранять объёмно-пространственное мышление, необходимое в профессии архитектора, благодаря чему и проектирование дома на берегу озера шло значительно проще.

«Фирменной фишкой» Влада среди его многочисленных глиняных изделий по-прежнему оставались сувенирные домики-шкатулки и церкви, выполняемые в различных техниках. Но Влад и не думал останавливаться на этом. Ещё до своего отъезда в Абхазию он приноровился почти не глядя скатывать из глины совершенно потрясающие «колбасы», которые обнажали по своим срезам восхитительные изображения фруктов и ягод, а потом и более сложные конструкции — калейдоскопы. И теперь он с увлечением отта-